

Записная книжка Савинкова

В одном из московских архивов хранятся записные книжки Бориса Савинкова, известного террориста и писателя. Среди них есть тоненькая, карманного размера, с изорванным переплетом. А в ней записи, сделанные во время его побега из Вологды в июне 1903 года. В те дни к Савинкову «присочились» сведения о предстоящей ему новой ссылке — в Якутию на пять лет, и он бежал за границу.

Беглец стал вести записки на пароходе, когда, прибыв в Архангельск поездом, без паспорта и вещей, отправился в морское путешествие вокруг Скандинавского полуострова и далее в Женеву.

Пароход «Император Николай I» вышел из Архангельского порта, и слышную напряженность побега. На смену внезапно пришли столь непривычные для двадцатичетырехлетнего Бориса Викторовича бездействие, воспоминания и тоска. У него было по кому тосковать. В Варшаве осталась жена Вера Глебовна Успенская-Савинкова, дети Витя и Таня. Та самая, что называла себя «Каней». В Вологде осталась столь милая сердцу начинающего литератора опальная богема.

Вот тогда и пришла на выручку записная книжка. Короткие дневниковые записи в ней чередуются с попытками стихосложения, с пейзажными набросками полупустынного побережья северных морей, с рисунками характерных фигурок и лиц.

Здесь рыбаки в морских плащах и шапках-шлемах, чиновники, офицеры, нарядные девочки и даже пляшущие карлики... Вот оно, очередное подтверждение давно известного — писатель часто бывает хорошим рисовальщиком.

Записав эпизод недавнего бегства: «Когда мы уход Володой ждали поезда, ели скверную колбасу и пили скверный коньяк, подошел пес, большой и грязный. и стал громко, зло и с надрывом лаять на нас. Мы бро-

сали ему по куску хлеба и колбасы, но он, расставив ноги и опустив голову, продолжал лаять так же зло и громко. Тогда я взял камень и пхвирнул в него, и он, покорно опустив голову, поплелся от нас.

Неправда ли, совсем как человек?».

Но красной нитью через все записи проходят две темы: тема тоски и тема «Веры».

Уже в третьей по счету дневниковой записи появляется это слово — «тоска». Затем оно повторяется: то просто «тоска», то «тоска, как море, тяжелая, хмурая, как туча», то «тоска, как зверь».

А слово «Вера» он пишет и славянской вязью, и затейливым рисунком — сочетание мачт и парусов, и даже — под «китайские иероглифы».

«Тоска, как зверь... Вера, Вера, Вера!.. Каня, Витя. Мои милые...

Чем дальше я от Веры, тем я больше думаю о ней, чем больше думаю, тем сильнее чувствую, как я ее люблю. Она для меня — все или почти все. Я не знаю, как я буду жить без нее. Думаю, что не смогу. Да и нужно ли?

Дети всегда передо мною; когда я смотрю на чужих ребят, в их глазах я вижу глаза Кани, в их веселых голосах — милый бас Вити.

От этого, от этой любви не уйдешь никому. Она во мне.

Женщина — странное существо. Она хочет, чтобы любимый ею человек был силен, как Гераклес, — она хочет этого, часто сама того не сознавая, в самой глубине своей души, в тайниках ее, — хочет даже тогда, когда говорит ему о тихой, спокойной, как стоячая вода, и слабой, как женщина, жизни, прельщая его. Всякая слабость мужчины — в ее глазах непростительный грех, и она действительно никогда его не прощает. Так любят сильные женщины, а слабых любить не стоит...

Сегодня в первый раз выглянуло солнце; на улице сухо; бродят норвежки с ко-

роткими трубками и бегают дети в шерстяных морских рубашках...».

Наконец миновало две недели морского путешествия. И боль разлуки стала, видимо, чуть стихать. В записной книжке появилась маленькая новелла. Как все записи в этой миниатюрной книжке, что умещается на ладони, она сделана карандашом едва различимым «бисерным» подчерком и не занимает даже двух страниц.

«На прощание она крепко-крепко: в последний раз обняла меня и подала мне кольцо, золотое с большим черным камнем посередине, тихо прошептала:

— Береги его. С ним ты всегда найдешь меня.

Много часов — дней слышно умерло с тех пор. Опалили желтые листья с умиривших деревьев: волны набегали одна на другую и исчезали в далеком тумане, лишь изредка на мгновение снова сверкая седою пеною своих гребней; черная тень не раз ложилась на землю, окутывая вуалью все живое и напоминая снова и снова о вечной смерти; люди рождались, плакали, умирали, — время текло, как вода, холодными струями ровной и спокойной реки.

А я все берег мое, дорогое мне кольцо; берег и сохранил до сих пор. А ведь позади одна лишь желтая тина глинистых берегов и кипящая глубь омута, и бурные всплески ледяных волн и даже люди, жадно и хладнокровно рвущие свою добычу.

Я приду к ней, думаю, и покажу ей кольцо, и она узнает меня. И я открывал. Кольцо светлело».

Маленькая новелла как бы венчает содержание записной книжки Савинкова. Она написана в подражание Станиславу Пшибышевскому. Но минует всего пять лет и писатель Савинков-Роншин заявит о себе повестью «Конь Бледный», где уже своя тема, свой язык и свой литературный стиль.

В. НОВОСЕЛОВ.